

Где в хмельном отрешении пристальны
Дальнозоркие сны,
Что служить возвышению призваны
Близорукой весны,
В обнищанье дождя бесприютного,
В искушенье пустом
Обещаньями времени смутного,
В темноте за мостом,
В предвкушении мига заветного,
В коем — радость и весть,
И петушьего крика победного —
Только странность и есть.

С фистулою пичужьею, с присвистом,
С хрипотцой у иных,
С остроклювым взъерошенным диспутом
Из гнездовий сплошных,
С перекличкою чуткою, цепкою,
Где никто не молчит,
С круговую порукою крепкою,
Что растёт и звучит,
С отворённою кем-нибудь рамою,
С невозвратностью лет
Начинается главное самое —
Пробуждается свет.

Утешенья мне нынче дождаться бы
От кого-нибудь вдруг,
С кем-то сызнава мне повидаться бы,
Оглядеться вокруг,
Приподняться бы, что ли, да ринуться
В невозвратность и высь,
Встрепенуться и с места бы вскинуться
Сквозь авось да кабысь,
Настоять на своём, насобачиться
Обходиться без слёз,
Но душа моя что-то артачится—
Не к земле ль я прирос?

Поросло моё прошлое, братие,
Забутьём да былём,
И на битву не выведу рати я
Со зверьём да жульём,
Но укроюсь и всё-таки выстою
В глухомани степной,
Словно предки с их верою чистою,
Вместе с речью родной,
Сберегу я родство своё кровное
С тем, что здесь и везде,
С правотою любви безусловною —
При свече и звезде.

...Цикада

Хмельней стрекошет, не о своей глася

Блаженной доле, но вдохновенная

От бога песен.

Алкей. К Аполлону

Блаженнее долю другой воспоёт —
И ты объяснить захотела:
Бессонные ночи — от Божьих щедрот,
А нежность — от певчего тела.

Ступенчатым стрёкотом бейся в груди,
Крой искромётное диво,
Разматывай пряжу — и в небо иди
По нити, протянутой криво.

Нельзя оглянуться, упасть в темноту —
Не то прозеваешь мгновенье,
Когда по наитью поймёшь высоту —
А там поведёт вдохновенье.

Но что это? — рядом, где сад распахнул,
Как шторы, шуршащие кроны,
Почудилось: кто-то, отчаясь, вздохнул —
И горло разбухло от стона.

Не ты ль загрустила, пичуга моя,
Нахохленно клюв запрокинув,
Билет несчастливый — залог забытья —
Из торбы гадальщика вынув?

И что же расскажет зрачок твой живой,
Когда этот смысл постигаешь —
И, ветру кивая шальной головой,
Крыла для рывка напрягаешь?

Пусть рвётся непрочная связь меж людьми —
И нет от трагедий пощады,
И я за сближение лёг бы костями,
Но петь в одиночестве — надо.

И мечется птица, разлад ощутив
Душой голубиной своею,
И плачет, желанья к звездам устремив,
Хмельная цикада Алкея.

ЛИШЬ ВЗМАХ КРЫЛА

Я чиркнул спичкой — ночь прошла,
Лишь взмах крыла да всплеск весла,
Лишь мгла в подоле унесла
Всю видимость морей, —
В ходу пылился бы хитон,
Валялся бронзовый ритон,
Плутал бы в поле Купидон, —
«Налей ему, налей!»

Неужто нежность не ушла?
Неужто грешным без числа
Забросить спешные дела
В долине голубой?
Кому шептал Шаляй-валяй?
Шутил ли с нами Шауляй?
Иль, может, дядюшка Гиляй
С усатой головой?

Куда податься посмелей?
Шатался ль в небе Водолей,
Февраль пришёл — не потому ль
Спокоен был июль?
Мешал ли кто-то нам? А жаль!
Как жало, впившееся в шаль
Кошачьей ласки или глаз,
Сжигает что-то нас.

Я листья сгрёб, костер зажгёт,
Я утром вышел на порог —
Дебаты таборные впрок
Я нынче проводил, —
Немало минуло молвы —
Я выбор вынул из листвы,
Явил бы облик — но, увы! —
Не облак находил.

Не мой ли выведал оброк,
К чему присматривался слог?
К челу притрагивался рок,
Литанию влачил, —
Кому бы высказаться всласть?
Куда бы скрыться и пропасть?
Чего достичь? К чему припасть? —
Никто не научил.

Малейший выпотрошен шаг —
Милейше выброшен в овраг
Старейшин выпрошенный враг,
Достаток или срок, —
И что-то в большем находить
Не вавилоны выводить —
Кого же ждать да проводить?
А вечер неширок.

Летал бы где-то, да устал,
Читал бы что, да перестал,
Корил бы что да говорил,
Смирялся у перил, —
Смеялся, стало быть, Орфей —
Она Офелии мертвей —
О фея разума! — глупей
Чем то, что закурил.

Мишурный вышколен разрыв,
Шатры расшитые сокрыв, —
И в бровь, и в глаз, и вкось, и вкривь
Ударила зима, —
Низин снежинчатая глушь,
Разинь неистовая чушь,
Машин вмешавшихся к тому ж
Немая кутерьма.

Лишайный шелеста нарост,
Ушастый шёпота погост,
Мышастый шороха прирост,
Лешачий шарабан, —
Изношен шёлковым шитвом,
Сомкнувшись с шумом, с естеством,
Никак в обнимку с волшебством,
На что уж Гюлистан!

О Боги! Выгоды глоток!
Догадок милый локоток!
Загадок лоск, да лоскуток
Житухи на паях!
Как леска, вылазка узка,
Мотка изнанка не близка,
И сказка смотрит свысока
На сваях и в роях.

Царевен меток перехват,
Где что ни ветка, то и взгляд,
И принят ты, хоть шут и хват,
И чаем напоят, —
Не чаю в чём-то я души,
А ты отчасти не греси —
Не счастьем, к чести, хороши,
Участливы стократ.

Престиж утешится ли сам?
Платёж и тишь по небесам,
А дрожь и блажь по туюсам
Не суетны отнюдь, —
Мечты отныне не отнять,
Ничуть не стыть и чуть не встать —
На что пенять и что понять?
Сочтёмся как-нибудь.

ГРОЗА ИЗДАЛЕКА

Покуда полдень с фонарём
Бродил, подобно Диогену,
И туча с бычьим пузырём
Вздывала муторную вену,
Ещё надежда весь сыр-бор
Гулять на цыпочках водила, —
И угораздило забор
Торчать, как челюсть крокодила.

Осок хиосская резня
Мечей точила святотатство —
И августовская стерня
Клялась за жатву рассчитаться, —

И в жажде слёз неумолим,
Уж кто-то стаскивал перчатку
От безобидности малин
До кукурузного початка.

И обновившийся Ислам
Нарушил грёз обожествленье, —
И разломилось пополам
Недужных зол осуществленье,
И гром постылый сбросил груз
И с плеч стряхнул труху печали,
Как будто краденый арбуз
В мешке холщёвом раскатали.

И чтобы к ужасу впритык
Хозяин сдуру нализался,
Змеиный молнии язык
С надменным шипом показался —
И по-младенчески легко
Кочуя в стае камышиной,
Кормилиц выпил молоко
Из запотевшего кувшина.

Покуда в мальве с бузиной
Низин азы недозубрили,
Покуда в музыке земной
Охочи очень до кадрили,
Как в школе, балуясь звонком,
Тщета внимания ослабла —
И, кувырок за кувырком,
Пошли шнырять за каплей капля.

И повеленья полутон
Над ходом времени обратным

Оставил нас с открытым ртом
И лопотанием невнятным, —
И в уверении крутом
Уже разверзлась ширь дневная —
А где-то в ливне золотом
Ещё купается Даная.

ПОРА ХРИЗАНТЕМ

Наступает пора хризантем —
За мостами низовий не видно, —
Ты одна затворись насовсем,
Чтобы сумеркам было обидно, —
Ни в друзья, ни в полон не берут,
На поруки принять не желают, —
А кому приглянулся уют,
Те поют и глаза опускают.

Занавесок сквозящая ткань
Шевельнётся к вискам своевольно —
И покамест осознана грань,
Чем на свете ты столь недовольна?
Опустевшую грудь не теснит
Пребывание в зале зеркальной,
Где подземной воды хризолит
Откликается, эха печальней.

Сердце горлицам станет сродни,
Приютясь под железною крышей,
И оранжевый шорох в тени
Пробежит за лисицею рыжей, —
Ну а если холмам лиловеть,
Винограду хмелеть на закате,

Чтобы лучше тебя рассмотреть,
Появляется белое платье.

По аллеям, где шёл не дыша,
Чтобы к тихой руке прикоснуться,
Приближаешься ты, хороша,
И, наверное, надо вернуться, —
Приглянулась ты осени вновь,
Не забудь о плащах и ненастье, —
Ближе губы и поднята бровь,
Всепрощенье сегодня у власти.

Как избыток любви ни храни,
Грустно ласточкам в хижине ветхой,
И на ветках мерцают огни
Золочёной шумящею клеткой, —
Не припомню и я сгоряча,
Что грядущая стужа бормочет,
Где подводного царства свеча
Отражаться в желании хочет.

Мы теперь не зовём за собой,
Набродившись вдвоём в переулке,
Где пора бы идти за судьбой, —
Ну и что же? — всё то же — прогулки, —
И стоим на виду между тем,
Что открыто и что — за открытием,
И окно, как октябрьский тотем,
Не гордится теплом и наитьем.

Золотого вина набирай —
Утешенья огнём добывают, —
И бредущие в будущий рай
О неслыханных снах вспоминают, —

А пока мы вздохнём наяву,
Успокойся — светло и невольно
Я и в горе тебя назову —
Задержаться дыханию больно.

Это, найденных дней не щадя,
Не пылает хрусталик зелёный,
И подобен струенью дождя
Перламутровый гребень Вероны,
Избавительных заводей звон
Изобилием листьев украшен —
Если имя им впрямь легион,
Остеречься бы шахматных башен.

Я издревле хранил и прощал
То, что в слове сказать не сумею, —
Словно жилки его ощущал —
Озари меня жизнью своею, —
Чтобы свидетелься в этой игре,
Ты навек разгляди и запомни
Коронацию крон в октябре,
Глазомер запестревшего поддня.

И замедленный ход кораблей,
Уводящих к обители граций,
И в садах развлечения фей
Объясни мне сегодня, Гораций,
Здесь, где празднество было вчера —
И оставлены ратью хмельною
Негасимое пламя костра
И летучая мышь — Алкиноя.